

УДК 327

ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ»**Униятова Алина Александровна****Туркменова Аделина Владиславовна****Омельчак Дмитрий Владимирович**

студенты

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, г.Элиста

Аннотация. Инициатива "Один пояс и один путь" (BRI) была расценена международным сообществом как важный политический инструмент в геоэкономической стратегии Китая. В рамках этой политической платформы Пекин пообещал инвестировать миллиарды долларов в инфраструктуру и промышленные секторы по всей Евразии и в странах Индо-Тихоокеанского региона. Широко распространено мнение, что такой огромный объем инвестиций неизбежно приведет к значительным геостратегическим последствиям в этих регионах. В ответ на BRI Соединенные Штаты и другие державы разработали стратегию "свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона". В этой статье предпринята попытка ответить на следующий вопрос: какое влияние BRI, вероятно, окажет на связи в области безопасности между Китаем и другими крупными игроками в Индо-Тихоокеанском регионе? Автор приходит к выводу, что BRI может существенно трансформировать международную политику безопасности Китая, а расширение влияния Пекина в сфере безопасности может еще больше усилить конкуренцию в области безопасности между Китаем и другими крупными державами в Индо-Тихоокеанском регионе. В статье также предлагается новый аналитический подход к изучению геоэкономики, который раскрывает роль экономической деятельности и процессов в формировании геополитических намерений и стимулировании геополитической конкуренции.

Ключевые слова: теория международных отношений, безопасность, оборона, Китай.

Китайский лидер Си Цзиньпин поделился своим видением Экономического пояса Шелкового пути в Казахстане в сентябре 2013 года; месяц спустя он предложил Морской Шелковый путь 21-го века в Индонезии. Кульминацией этих двух предложений стала стратегия "Один пояс, один путь", впоследствии переименованная в инициативу "Один пояс и один путь" (BRI). BRI предусматривает пять областей сотрудничества между десятками государств в Евразии, Африке и Океании: подключение инфраструктуры и объектов, беспрепятственная торговля, бесперебойные финансовые потоки, скоординированная национальная политика и расширение контактов между людьми и культурных обменов. На самом деле в центре внимания BRI, по-видимому, находятся инфраструктурные проекты. Ученые отмечают, что BRI - это

амбициозная китайская геоэкономическая стратегия, которой суждено оказать серьезное влияние на существующую систему управления мировой экономикой, как в позитивном, так и в негативном ключе.

Ожидается, что влияние BRI будет более заметным в области геополитики, чем в области управления глобальным развитием. Под эгидой BRI Пекин пообещал инвестировать миллиарды долларов в инфраструктурный и промышленный секторы по всей Евразии и Индо-Тихоокеанскому региону. Нет никаких сомнений в том, что такие огромные инвестиции неизбежно приведут к значительным геостратегическим последствиям в регионах, где геополитическое соперничество между Китаем и другими крупными державами, особенно Соединенными Штатами, уже усиливается. Чтобы противостоять BRI, Вашингтон полон решимости продвигать стратегию "свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона" (FOIP). Поскольку Пекин опасается, что эта стратегия, в которой доминируют США, может ограничить влияние Китая и помешать BRI, он редко использует термин "Индо-Тихоокеанский регион" в своих официальных политических заявлениях. По-видимому, эти две межрегиональные стратегии находятся в серьезном соперничестве друг с другом. Однако, несмотря на то, что были опубликованы некоторые мнения, очень немногие научные работы исследовали взаимосвязь между этими двумя стратегиями. В этой статье предпринята попытка определить потенциальное влияние BRI на связи в области безопасности между Китаем и другими крупными игроками в Индо-Тихоокеанском регионе; в ней также предпринята попытка изучить новые аналитические пути, с помощью которых геоэкономика порождает геополитическое соперничество. Вместо традиционного подхода к рассмотрению геоэкономической политики как средства достижения ранее существовавшей геополитической цели, статья предлагает новый аналитический подход к изучению геоэкономики, который раскрывает роль экономической деятельности и процессов в формировании геополитических намерений и в стимулировании геополитической конкуренции. В начале двадцатого века такие стратеги, как Альфред Тайер Махан и Хэлфорд Джон Макиндер, обсуждали относительную важность морской мощи и господства над территориями суши. Махан был одержим возможностями проецирования власти государства, основанными на доминировании морской торговли, в то время как Макиндер подчеркивал важность контроля над евразийским континентом. Чанг утверждает, что исторически геоэкономическая конкуренция между сверхдержавами приводила к глобальным катастрофическим событиям, таким как Французская революция и две мировые войны. В эпоху холодной войны большинство исследований по геополитике были сосредоточены на военных аспектах и аспектах безопасности. В эпоху после окончания холодной войны многие стратеги обратили свое внимание на геополитическое использование государствами экономической мощи. Распространено мнение, что в "великих

стратегиях XXI века геополитика будет осуществляться главным образом экономическими средствами'. Блэквилл и Харрис даже рассматривают геоэкономическую конкуренцию как войну другими средствами. Многие исследования подчеркивают, что в последние годы Китай умело использует экономическую мощь в политических целях и в целях безопасности. По словам Блэквилла и Харриса, Китай является "ведущим мировым практиком геоэкономики". Его недавние экономические инициативы, такие как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и BRI, вызвали значительный академический интерес к геоэкономической стратегии Китая. BRI представляет собой, пожалуй, самую амбициозную геоэкономическую политику, которую когда-либо предлагал Китай. Эта новая стратегия, по-видимому, предполагает, что Китай стремится превратиться в континентальную и морскую державу, объединив геостратегические идеи Махана и Макиндера. Ключевой вопрос заключается в следующем: как BRI повлияет на геополитическую стратегию Пекина и стратегический ландшафт в Индо-Тихоокеанском регионе и на всем евразийском континенте? Чтобы ответить на этот вопрос, нам сначала нужно разобраться в некоторых теоретических связях между геоэкономикой и геополитикой - к сожалению, недостаточно изученной областью международной политики. Основная литература по геоэкономике предполагает линейную причинно-следственную связь между мегаэкономической политикой и геостратегическими разногласиями. Эта однонаправленная причинно-следственная связь прослеживается в теоретических подходах ведущих ученых по этому вопросу с 1960-х по 1980-е годы, многие из которых, такие как Йохан Галтунг, Клаус Кнорр, Маргарет Докси, Дональд Лосман и Ричард Портер, пытались изучить использование и эффективность экономического принуждения для изменения поведения целевых состояний. Позже Дэвид Болдуин утверждал, что экономическое управление государством - это нечто большее, чем принуждение, утверждая, что экономический инструмент - это всего лишь один из многих методов, которые государство может использовать для достижения широкого круга целей, не ограничиваясь изменением политического поведения целевого государства. В своей классической книге "Экономическое управление государством" Болдуин заявил, что "экономические санкции могут иметь дипломатические, психологические, политические, военные или другие последствия, даже если их экономический эффект равен нулю". Во многих последующих исследованиях по экономическому управлению государством, особенно в литературе о санкциях, основное внимание по-прежнему уделялось эффективности экономических инструментов в изменении поведения других государств. Заглядывая за рамки санкций, Альберт О. Хиршман в своей книге "Национальная мощь и структура внешней торговли" утверждает, что асимметричные экономические отношения могут стимулировать различные секторы, регионы и фирмы в экономически более слабом государстве играть большую роль в формировании определения

национальных интересов таким образом, чтобы это приносило пользу экономически более сильному государству. И наоборот, государства могут также позитивно использовать экономические инструменты, а также применять принуждение и давление. Например, государства могут снижать тарифы и предоставлять помощь, инвестиции и доступ к рынкам в политических целях. Этот традиционный подход к изучению экономического управления с точки зрения изменения поведения оказал значительное влияние на ученых, которые позже использовали термин 'геоэкономика'. Люттвак определяет геоэкономiku как 'геостратегическое использование экономической мощи' национальными государствами. Его концепция геоэкономики оказала влияние на многих других аналитиков в этой области. Шолвин и Вигелл, например, предполагают, что "геоэкономика, как стратегия внешней политики, относится к применению государствами экономических средств воздействия для достижения стратегических целей'. Блэквилл и Харрис рассматривают геоэкономiku как 'использование экономических инструментов для продвижения и защиты национальных интересов и получения выгодных геополитических результатов; и влияние экономических действий других стран на геополитические цели страны'.

Список литературы:

1. Мировая экономика и международные экономические отношения. Учебник для бакалавров / Под ред. В.Б. Мантусова. - М.: Юнити, 2017. - 654 с.
2. Антонов, В.А. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения: Учебник для бакалавров / В.А. Антонов. - Люберцы: Юрайт, 2016. - 548 с.
3. Гусаков, Н.П. Международные валютно-кредитные отношения: Учебник / Н.П. Гусаков, И.Н. Белова, М.А. Стренина. - М.: Инфра-М, 2017. - 352 с.
4. Платонова, И.Н. Международные экономические отношения России: Учебник / И.Н. Платонова. - М.: Магистр, 2018. - 471 с.
5. Шаховская, Л.С. Мировая экономика и международные экономические отношения. конспект лекций / Л.С. Шаховская. - М.: КноРус, 2018. - 320 с.